

Исторические уроки высылки : К 80-летию административной высылки большевиками значительной группы видных российских интеллигентов

А. В. Квакин (*Московский государственный университет*)

В истории каждой нации были и будут моменты, когда сама жизнь призывает остановиться и взглянуть в свое прошлое, осознать свое настоящее и подумать о грядущем. Историческая реальность — бытие — дает нам представление о сфере возможностей, объектах творчества человека, формах и условиях его жизнедеятельности. Однако, помимо простого изучения и анализа исторического материала, для того, чтобы материал этот имел хоть какое-то практическое значение для будущего, необходимо четко представлять себе хотя бы общие закономерности, взаимосвязи, параллели между, казалось бы, несопоставимыми эпохами. В наши дни проблема эта приобретает все большую и большую актуальность не только в связи с глобальной переоценкой ценностей, имеющей место в российском обществе, но и более того — с тенденциями объединения, характерными, в первую очередь, для западного мира. Если нашему обществу понять, что лежит в основе нашей истории, — это возможный залог избежания ошибок, то в мировом масштабе вычислить нечто общее, лежащее в контексте мировой истории, — это шанс создать сообщество наций. И на практике решение данной проблемы может оказать большую услугу идеологии новейшего времени, в которое кое-где уже начинают стираться грани между культурами. Современный человек теряет свою «бессознательную идентичность» с природными явлениями, которые, в свою очередь, теряют свою символическую причастность¹. Он теряет свою способность адекватно ассимилировать в своем сознании новое, что в условиях все убыстряющегося прогресса XXI века может привести к печальным результатам. Отрыв от национальной культуры, от ее символов отнюдь не ведет к исчезновению демонов и богов, — они лишь обретают новые имена, «удерживают человека на ходу своим беспокойством, нечетким пониманием, психологическими сложностями, ненасытной жадой лекарств, алкоголя, табака»².

---

¹ См.: К.Г. Юнг, 1991, Архетип и символ, М., 67.

² Там же, 66.

Среди трагических событий в истории российской интеллигенции XX века часто называют административную высылку большевистским правительством более юо видных представителей российской интеллигенции. За последние годы проведена большая работа по выявлению новых исторических документов и по изучению исторических фактов данного акта Советской власти, их осмыслению³.

В июне 2002 г. в Нижнем Новгороде прошла защита кандидатской диссертации И. И. Маториной со странной, как мне кажется, темой: «Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 году в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и Советской власти»⁴, необычной по форме (например, собственно высылке посвящена только 5 глава) и невразумительной по содержанию. Например, в работе делается вывод, что «Одним из немногих положительных итогов высылки является факт разрешения проблемы с интеллигентскими кадрами на периферии за счет привлечения труда высланных в пределах РСФСР... Одновременно высылка способствовала становлению и расцвету новой, «социалистической» культуры»⁵. Следуя этой логике, этот самый «расцвет» так называемой «социалистической культуры» наступил в период массовых репрессий 1930-х-1940-х годов, после перемещения огромных потоков интеллигентских кадров в места не столь отдаленные.

---

³ См.: Б.К. Лососий, 1999, К изгнанию людей мысли в 1922 г. // Ступени, 1992:1; М.С. Геллер, 1990, «Первое предостережение» — удар хлыстом // Вопросы философии, 1990:9; Кандидаты на высылку. (Документы) // История России, 1917-1940. Хрестоматия, Челябинск 1994; СЮ. Мальшева, 1998, Казанские профессора-пассажиры «философского» парохода // Российское Зарубежье: история и современность, М., 53-60; В.И. Белоус, И.И. Маторина, 1997, Власть и интеллигенция: к вопросу о высылке интеллигенции в 1922 г. // 1917 год в судьбах российских граждан, Иваново; И.И. Маторина, 2000, К вопросу о подходах к изучению проблемы высылки интеллигенции из России в 1922 г. // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Материалы XI международной научно-практической конференции 20-22 сентября 2000 г., Иваново; Она же, 2001, Подготовка и осуществление высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г., Нижний Новгород; В.Л. Телицын, 2002, «Люди мысли»: изгнание из России. (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922-начале 1923 года) // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы, Кн. III: Русское зарубежье: политика, экономика, культура, СПб., 20-28; и др.

⁴ И.И. Маторина, [2002], Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 году в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и Советской власти, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Нижний Новгород.

⁵ Там же, 22.

В целом, на мой взгляд, в современной литературе не произведено глубокое осмысление целого ряда аспектов данной эмиграции интеллигенции в форме насильственной высылки.

Во-первых, до сих пор не прослежены не только политические и идеологические, но и глубинные общекультурные предпосылки данной экспатриации. Довольно часто можно услышать миф об «исключительно жестокой акции большевиков в отношении собственной интеллигенции». Что есть современный российский миф в его нынешнем понимании : несоответствие реальности (в т.ч. и исторической), которое используется властями, организациями, СМИ, отдельными гражданами или новый виток древних праисторических мотивов? Он, подобно мифу древности, выполняет в такой трактовке космогоническую функцию — успокоение общества, до определенной степени его самоуспокоение. Для его создания и распространения используются архетипические бинарные оппозиции, которые в каждую конкретную эпоху имеют свое особое «менталитетное» выражение (например, возвращаясь к прошлому, оппозицию *своей-чужой* можно найти в монгольский период в противопоставлении христианин-татарин; недаром, именно после нашествия появляется термин «крестьянин», а сам татарин, по словам Белинского, «огадил в понятие русского» всякого иноземца⁶; потом место татарина займут «латиняне», немцы, Запад в целом и американцы в частности...). В чем суть господствующих в то или иное время мифологем — о власти и государственности с предельной их идеализацией, мифологема интеллигенции о власти, революционная, дублировавшая в определенной степени старые, — всех этих «гражданских», по определению Дж. Бир-лайн, мифов, которые «создают основу для образования государства и обеспечивают полномочия правительства, объединяя всех граждан с помощью общего символизма»⁷? В какой степени данное понимание мифа отходит от понимания мифа архе-типического ?

Сразу необходимо пояснить, что, беря конкретный отрезок истории, — не только первобытность, но и последующие эпохи, — сразу придется разграничить различные уровни мифа. Существует миф архетипический (первый уровень). Он сопоставим с древнейшими человеческими ощущениями, ориентацией

⁶ В. Г. Белинский, 1992, Россия до Петра Великого // Русская идея, М., 145.

⁷ Дж. Бирлайн, 2000, Параллельная мифология // Миф и мифология в современной России, 161

человека в природной среде и сообществе себе подобных с его «базовыми эмоциями» (радость, удивление, гнев, страх, голод, сексуальное влечение и пр.⁸). Эти мифологические представления являются общечеловеческими. Строй образов такого мифа менее всего национально специфичен. Ведь в основе его — архетип, который пока не спешит меняться. Поэтому ту же бинарную оппозицию *свой-чужой* можно выделить, практически, в любую эпоху в любой стране. В основе ее — универсальная для человечества эгоцентрическая позиция познающего субъекта. В мифологическом пространстве существует сакральный центр и потенциально враждебная периферия — это достаточно универсальный психофизический механизм. А вот уже проекция а) на конкретные условия жизни нации и б) на историческое развитие данной нации и дает конкретное преломление данного мифа в менталитете.

Тот же мифологический мотив *свой-чужой* постоянно обыгрывался в славянской и особенно русской традициях. Особые исторические, географические, геополитические, религиозные факторы существенно обострили эту оппозицию (открытость границ нашествиям, татаро-монгольское иго и т.д.). Это повлияло и на характер нашей государственности (как говорил В. О. Ключевский, бедное государство должно было содержать большую армию, а потому давало служилым людям земли, а, чтобы обеспечить их боевую готовность, постепенно закрепощало крестьян). Однако более важен тот факт, что сам этот архетипический мотив и его актуальность не угасали со временем, а иногда принимали даже угрожающий размах. Здесь стоит отметить еще один важный фактор сего — особенность самой сущности российской цивилизации.

Долгое время, пожалуй, вплоть до XX века, Россия оставалась крестьянской цивилизацией с традиционным типом культуры. Вспомним, вернувшись назад, еще в эпоху первобытности, что зрелая и поздняя первобытность представлены неолитическими культурами⁹. В результате «неолитической революции» возникают скотоводство и земледелие. В неолите появляется общественно-экономический, культурный, бытовой, психологический уклад, который называется *крестьянской {земледельческой} цивилизацией*. Идеология крестьянской цивилизации — *миф*, анимистические верования (т.е. вера во всеобщую одушевленность мира), основная социальная ячейка —

---

⁸ См.: СЮ. Неклюдов, 2000, Структура и функция мифа // Миф и мифология в современной России, 18

⁹ См.: В. Шкуратов, 1990, Историческая психология, Ростов.

ьяшая семья. Мировая деревня удивительно однородна: от лантики до Китая сходные орудия труда, фольклорные сюже-*j* кровнородственные верования и связи. А для идеологии естьянской цивилизации общепринято противопоставление *их* и *чужих*, то есть врагов по определению. Именно эти про-вопоставления и использовали большевики, когда поставили вопрос об очищении «рабоче-крестьянского государства» от уждых ему элементов».

Депортация инакомыслящих интеллигентов в 1922 году как амостоятельная проблема практически не подвергалась серье-ному осмыслению. Если о ней и заходил разговор, то обсуждение практически ограничивалось рассмотрением, несомненно присущего ей политического аспекта. Но политическая сторона •действий большевиков не исчерпывает данного сложного и не поддающегося однозначной оценке социального феномена. Эта акция Советского правительства не могла бы быть осуществленной, если бы не опиралась на массовое сознание.

Во-вторых, насильственная высылка из страны становится возможной только в условиях существования идеи врага. Если бы в русском общественном сознании были достаточно прочно укоренены и развиты представления о социальных свободах, то сама мысль об экспатриации была бы в принципе недопустимой. Однако в тех условиях господствовали не правовые нормы, а мало понятная «революционная законность», которая освобождала от ответственности за действия в отношении так называемых «классовых врагов и их прислужников». Именно такой подход виден в обсуждении среди членов Политбюро вопроса о высылке. Большевистское руководство обеспокоили попытки интеллигенции играть самостоятельную роль в условия провозглашения «новой экономической политики. Поэтому 27 августа 1921 г. был распущен Всероссийский комитет помощи голодающим, а большинство его членов — представителей интеллигенции — обвинено «в контрреволюционной игре». С начала 1922 г. проходили забастовки в вузах против условий существования и принятия «Положения об управлении высшими учебными заведениями республики», ликвидировавшего автономию вузов, а 10-14 мая 1922 г. — 2 Всероссийский съезд врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруд в Москве, который был охарактеризован В.И.Лениным¹⁰ как сборище пособников

---

¹⁰ Ленин (настоящая фамилия Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) — лидер большевиков, с октября 1917 г. председатель Совета народных комиссаров.

контрреволюции. В этих условиях происходит разработка идеи о высылке «антисоветской интеллигенции», что хронологически выглядит так:

- 15 мая 1922 г. В. И. Ленин развил мысли по поводу проекта «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР», высказанные еще в дополнениях к этому документу «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)», и далее : «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)»¹¹. В.И. Ленин тщательно готовил вопрос о высылке за границу, предполагая показать свой проект членам Политбюро ЦК РКП (б) и сообщить их отзывы и заключение председателю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому¹².
- 17 мая 1922 г. В.И. Ленин направляет нарком юстиции Д.И. Курскому письмо с двумя вариантами дополнительного параграфа Уголовного кодекса РСФСР. Здесь, в частности, В. И. Ленин предлагал внести следующий вариант статьи УК РСФСР :

Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т[ому] подобными] средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу¹³.

- 19 мая 1922 г. В. И. Ленин в письме председателю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому поднимает вопрос «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции», и о том, что такого рода лиц надо «излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»¹⁴.
- 21 мая нарком здравоохранения Н. А. Семашко в письме на имя В. И. Ленина и членов Политбюро пишет, что на съезде врачей выявились «важные и опасные течения..., которыми

---

¹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, Т. 45,189.

¹² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, Т. 12,339.

¹³ Ленин, Полное собрание сочинений, Т. 45,190 -191.

¹⁴ См. : Ленин, Полное собрание сочинений, Т. 54,265 - 266.

успешно пользуются кадеты, меньшевики и эсеры... и которые йроко распространены среди не только врачей, но и спецов угих специальностей»¹⁵.

- 22 мая Ленин на письме Н. А. Семашко сделал пометку о необходимости «строго секретно (не размножая)» показать письмо ф.Э. Дзержинскому и всем членам Политбюро, с тем чтобы «вынести директиву» и «разработать план мер»¹⁶.
- 23 мая предложение В. И. Ленина вместе с письмом Н.А. Семашко было направлено членам Политбюро. Сталин¹⁷, Троцкий¹⁸, Каменев¹⁹, Рыков²⁰ и Молотов²¹ высказались «за», воздержался один Томский, считавший, что «во многом виновны мы сами и в первую голову т. Семашко»²².
- 24 мая Политбюро приняло официальное постановление, в котором Дзержинскому «при помощи Семашко» поручалось «выработать план мер и доложить Политбюро в недельный срок»²³.
- 2 июня в «Правде» опубликована статья «Диктатура, где твой хлыст?» с резкой критикой литератора Ю.И. Айхенвальда, где говорилось о необходимости «отстегать» интеллигенцию в массовом порядке.
- 8 июня Политбюро детально обсудило доклад заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта и приняло решение «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Была создана комиссия в составе И. С. Уншлихта, Д. И. Курского и Л. Б. Каменева «для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок»²⁴.
- 22 июня на заседании Политбюро был рассмотрен доклад И. С. Уншлихта и было поручено разбить список подлежащих высылке врачей на три группы по степени «вины» и характеру наказания²⁵.

¹⁵ Цит. по: В.Л. Соскин, 1997, Переход к нэпу и культура (1921-1923 гг.), Новосибирск, 65-66.

¹⁶ Там же, 66.

¹⁷ Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879 - 1953) — Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) с 1922 г., Председатель СНК СССР с 1941 г., Председатель Совета Министров с 1945 г.

¹⁸ Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) — советский партийный и государственный деятель, во время Гражданской войны — Нарком по военным делам и Председатель Реввоенсовета Республики.

¹⁹ Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883-1936) — советский партийный и государственный деятель.

²⁰ Рыков Алексей Иванович (1881-1938) заместитель председателя и председатель Совнаркома СССР.

²¹ Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) — советский партийный и государственный деятель, Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930-1941 гг.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же, 67.

²⁵ Там же.

- 17 июля 1922 г. во время обсуждения среди членов Политбюро вопроса о высылке Председатель СНК В. И. Ленин в письме к Генеральному секретарю ЦК РКП (б) И.В.Сталину предлагал «арестовать несколько сот и *без объявления* мотивов — выезжайте, господа ! », а высылаемые из «рабоче-крестьянского государства» интеллигенты, по замыслу организаторов высылки, должны были, находясь временно, «до победы мировой пролетарской революции», на буржуазном Западе, осознать ошибочность своих взглядов, «перевоспитаться» и с воодушевлением встретить грядущую победу мирового пролетариата²⁶. При этом Ленин высказал недовольство темпами подготовки высылки.
- 22 июля Политбюро обсудило деятельность комиссии И. С. Уншлихта. Она была признана неудовлетворительной «как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования». Для повышения качества работы было решено создать «необходимые подсобные комиссии»²⁷.
- 31 июля комиссия И. С. Уншлихта постановила выделить в особый список группу врачей из 11 человек, высылаемых на 2 года в северные и восточные губернии. Всех остальных предлагалось выслать за границу «как лиц, не примирившихся с советским режимом в продолжении почти 5-летнего существования Советской власти и продолжающих контрреволюционную деятельность». Их следовало арестовать в 3-х дневный срок и добиться выезда за свой счет, а в случае отказа — выслать за счет ГПУ²⁸.
- 2 августа на имя И. В. Сталина поступил первый пакет со списками высылаемых.
- 9 августа на заседании Политбюро утверждаются все кандидатуры на высылку с Украины.
- 10 августа на заседании Политбюро рассматриваются списки высылаемых.

---

²⁶ Из письма В.И. Ленина И.В. Сталину от 17 июля 1922 г. // Хрестоматия по истории России, 1917-1930-е гг.: Учебное пособие. Под ред. М.Е. Главацкого, М. 1992,96.

²⁷ *Соскин*, Переход к нэпу, 68.

²⁸ *Там же*, 72-73.

- 10 августа принимается Декрет ВЦИК «Об административной высылке».
- В ночь с 16 на 17 августа в Москве и Петрограде, 18 августа на Украине происходит массовый арест предназначенных к высылке.
- 30 августа Л. Д. Троцкий дал интервью американской журналистке Луизе Брайант о том, почему предпринимается высылка интеллигентов. По мнению Л. Д. Троцкого, они, оставшись в России, могут стать потенциальным оружием в руках вооруженных врагов Советской власти, и тогда «мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны»²⁹.
- 31 августа в «Правде» была опубликована статья «Первое предостережение». В ней были упомянуты основные «опорные пункты» антисоветской интеллигенции и названы обвинения, предъявленные конкретным группам интеллигенции — ученым, врачам, писателям, кооператорам и др. Там же говорилось о приговоре о высылке по постановлению ГПУ. В статье выражалась уверенность, что все трудящиеся встретят приговор с сочувствием, ибо они с нетерпением ждут, когда, наконец эти «идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР».

«Революционное правосознание» лидеров большевиков подсказало им столь «гуманный», как им казалось, по тем временам вариант «перевоспитания идеологических прислужников буржуазии».

В-третьих, нужно видеть, что для многих высылаемых сама по себе высылка была практически единственным способом спасения собственной жизни. И, если большевики оценивали высылку как наказание инакомыслящих, то для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал символом приобретения свободы. Современный исследователь В.Л. Телицын справедливо писал:

Пусть это не покажется кощунственным, но, в конечном счете, оказалось, что принудительная высылка спасла подвергшихся депортации от будущей неминуемой гибели в лагерях ГУЛАГа (хотя до некоторых чекистская рука дотянулась и за границей). Не сложно себе представить, как могли закончить свои дни Н.А. Бердяев³⁰, С.Н. Булгаков³¹, М.А. Осоргин³², С.Н. Прокопович³³ и многие другие, останься они в России. Достаточно вспомнить судьбы тех, кто «предназначался к высылке», но в силу

²⁹ Цит. по: Геллер, «Первое предостережение», 59.

³⁰ Бердяев Николай Александрович (1874, Киев - 1948, Кларам, Франция) — выдающийся религиозный философ, организатор и председатель Вольной Академии духовной культуры (Москва, 1918-1922). С 1922 г. — в эмиграции. Был деканом отделения истории Русского научного института в Берлине, инициатор создания Русской религиозно-философской академии в Берлине.

³¹ Булгаков Сергей Николаевич (1871, Ливны - 1944, Париж) — религиозный философ, экономист. Профессор политэкономии в Киеве в 1901-1906 гг., Москве в 1906-1918 гг. Депутат 2-й Государственной Думы. С 1923 г. в эмиграции. Профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже в 1925-1944 гг.

³² Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878, Пермь - 1942, Шабри, Франция) — писатель и журналист. Эсер в 1905-1906 гг. Участник Московского вооруженного восстания 1905 г. После Октябрьской революции председатель Всероссийского союза журналистов и товарищ председателя Московского отделения Союза писателей. В 1921 г. — активный участник Всероссийского комитета помощи голодающим. В эмиграции с 1922 г. Подвергался преследованиям нацистов.

³³ Прокопович Сергей Николаевич (1871, Царское Село - 1955, Женева) — экономист. Министр торговли и промышленности, а затем министр продовольствия во Временном правительстве. Член ПОМГОЛА. Выслан в 1922 г.

различных обстоятельств избежал ее, — аграрника Н.Д. Кондратьева³⁴, философа Г.Г. Шпета³⁵, экономиста И.Х. Озерова³⁶. Лишившись родины, высланные сохранили жизнь и свободу; как сказал один из русских эмигрантов, «Родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины, хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой»³⁷.

Это подтверждает и тот факт, что оставленные в России лица, первоначально намеченные к депортации, скоро подверглись физическому уничтожению. Так, за Н.Д. Кондратьева вступился О.Ю.Шмидт³⁸, в будущем известный путешественник и исследователь полярных широт. В 1930 г. Кондратьев был

---

³⁴ Кондратьев Николай Дмитриевич (1892, Костромская губ. - 1938, ?) — экономист. Товарищ министра продовольствия Временного правительства в октябре 1917 г., личный секретарь А.Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. В 1918 г. — член подпольной организации «Союз возрождения России», признавшей верховным правителем России А.В. Колчака. Приговорен в 1920 г. к заключению в концлагерь «до конца гражданской войны». Через месяц амнистирован. Работал профессором Московской сельскохозяйственной академии, в 1920-1928 гг. директор Конъюнктурного института при Наркомфине. В 1930 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

³⁵ Шпет Густав Густавович (1879-1940) —русский ученый-идеалист, последователь Э. Гуссереля. В 1923-1929 гг. вице-президент Российской академии художественных наук. Оставил многочисленные труды по герменевтике, философии языка, эстетике, истории русской философии. В 1935 г. он был арестован и выслан в Енисейск, после чего ему было разрешено проживание в Томске. В 1937 г. он был арестован вторично и «тройкой» НКВД приговорен к ю годам без права переписки, но в 1940 году расстрелян.

³⁶ Озеров Иван Христофорович (1869-1942) —экономист, профессор Московского и Петербургского университетов, сторонник политики классового сотрудничества. В 1901-1917 гг. член Государственного совета от Академии наук и университетов. С 1930-х гг. жил в Доме престарелых ученых в Ленинграде.

³⁷ Телицын, «Люди мысли», 21.

³⁸ Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) —советский ученый и государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, академик, вице-президент Академии наук. В 1918-1921 гг. работал в Наркомпроме, Наркомфине, Наркомприроде. В 1932-1939 гг. — начальник Главсевморпути. Один из основателей БСЭ.

арестован и в 1938 г. расстрелян. А в середине 1990-х гг. сын О. Ю. ИДмидта — известный историк, профессор С. О. Шмидт³⁹ — попросил прощения у дочери Николая Дмитриевича за своего Рртца, из лучших побуждений сорвавшего в 1922 г. высылку Кон-[дратьева]за рубеж⁴⁰.

В-четвертых, за последние 10-15 лет аресты и высылка за границу большой группы интеллигенции 1922 г. определяются частью публицистов как «начало массовых репрессий» со стороны Советской власти. Так, известный современный историк интеллигенции В. Л. Соскин рассматривает высылку «как первый опыт... по организации масштабного преследования инакомыслящих»⁴¹.

Утверждается, что инициатором подобных действий был Л. Д. Троцкий. Например, В. Костиков пишет:

Появление в «Правде» статьи «Диктатура, где твой хлыст?», подписанной таинственным инициалом «О» (существует предположение, что, статья написана Троцким), открывает гонения на ту часть интеллигенции, которая продолжает отстаивать право на независимость мнений и практические меры по «очищению» страны от несогласных. В августе 1922 г. из страны без суда, административным решением ГПУ было выслано 160 человек, открывших первый список советских «диссидентов»⁴².

Н.О. Лосский⁴³ в свое время также говорил о Л. Д. Троцком как инициаторе высылки за границу, объясняя это решение тем, что

в это время большевистское правительство добивалось признания государствами Западной Европы. Арестованы были лица, имена и деятельность которых были известны в Европе, и

---

³⁹ Шмидт Сигурт Оттович (род. в 1922 г. в Москве) — в 1944-1948 гг. был аспирантом МГУ, до 1951 г. преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), с 1957 г. в МГИИИ, работал в Институте истории АН СССР, заместитель главного редактора журнала «История СССР».

⁴⁰ Там же, 27-28.

⁴¹ Соскин, Переход к нэпу, 83.

⁴² В. Костиков, О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонек, 1988:49, 6.

⁴³ Лосский Николай Онуфриевич (1870-1965) — философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге.

большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия"⁴⁴.

Правда, есть и мнение, что акция депортации инакомыслящей интеллигенции была предпринята во время болезни В. И. Ленина по инициативе И. В. Сталина, а открыли гонения ответы чекистов на сталинские призывы в статье в «Правде» под названием «Первое предостережение»⁴⁵. В качестве инициатора и руководителя высылки называется также и глава питерских большевиков Г.Е.Зиновьев⁴⁶. Предпринимаются и другие попытки рассмотреть роль В. И. Ленина и других большевистских лидеров в данном мероприятии⁴⁷.

Исследователям пока недоступен весь комплекс документов по мотивам и характеру депортации, но, исходя из имеющихся в распоряжении историков документальных источников, хотелось бы обратить внимание на следующее. Именно В. И. Ленин, как показывает хронология событий, был инициатором репатриации инакомыслящих, тщательно готовил вопрос о высылке за границу, предлагая свои проекты членам Политбюро ЦК РКП (б), и особенно Ф.Э.Дзержинскому⁴⁸. Интересное замечание позже высказал один из высланных, писатель М. А. Осоргин:

В Москве шел слух, что в командующих рядах нет полного согласия по части нашей высылки; называли тех, кто был за и кто был против. Плохо, что «за» был Троцкий. Вероятно, позже, когда высылали его самого, он был против этого!⁴⁹

Первоначально предполагалось выслать интеллигентов в Германию. В доверительном письме С. Д. Боткина⁵⁰ М.Н. Гир-су⁵¹ от 14 декабря 1922 года сообщается:

---

⁴⁴ Н. О. Лососий, 1968, Воспоминания: Жизнь и философский путь, Мюнхен, 211.

⁴⁵ Октябрь, 1988:1,72; Знамя, 1990:3,130.

⁴⁶ См.: С.Хоружий, Философский пароход. Как это было // Литературная газета, 1990:19.

⁴⁷ См.: С. Дмитриев, Завет терпимости. Ленин и «Письма к Луначарскому» Короленко // Наш современник, 1990:4, 174-189; В. Костилов, Изгнание из рая // Огонек, 1990:24,14-16.

⁴⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, Т. 12,339.

⁴⁹ М.А. Осоргин, 1955, Времена, Париж, 180.

⁵⁰ Боткин С. Д. — с 1920 по 1934 гг. глава Русской организации в Берлине, признанной правительством Германии.

⁵¹ Гире Михаил Никитович (1856-1932) — дипломат, в годы Первой мировой войны посол России в Турции и в Италии, в 1919 г. участвовал в работе Парижской мирной конференции, в 1920 г. представлял правительство Врангеля во Франции, был избран председателем Совещания бывших российских послов, старейшина русского дипломатического корпуса за границей. Активный сторонник объединения эмиграции в борьбе против большевизма.

Советское правительство само обратилось в германское посольство в Москве с запросом о возможности для высылаемых получить германские визы. Посольство ответило, что Германия не является местом ссылки для иностранцев, но что в случае, если сами заинтересованные обратятся с соответствующим ходатайством, посольство преминет поддержать таковое перед своим правительством. Действительно, наши ученые получили из Берлина немедленно благоприятный ответ на их просьбу о разрешении на въезд в Германию, и здесь встретили вполне радушный прием⁵²

Когда Совнарком обратился к германскому правительству с просьбой выдать соответствующие визы,

Канцлер Вирт ответил, что Германия не Сибирь и ссылать в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбой дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. Тогда правительство в Петрограде освободило от ареста тех из нашей группы, кто был старше 50 лет, и поручило нам достать визы для себя и для своих более молодых товарищей⁵³,

вспоминал и философ Н. О. Лосский. Правовое сознание германских властей не позволяло им воспринимать высылку в их страну как правомерный юридический акт, но это не могло остановить «творцов новой, пролетарской юстиции». «Карающий меч революции» должен был свершить свое дело.

В-пятых, обращает на себя внимание то, как составлялись списки высылаемых. Данный отбор был во многом случаен, зависел и от взаимоотношений отдельных представителей интеллигенции с местными большевистскими властями, и от оценки последними степени «опасности» того или иного кандидата: зачастую именно с подачи местных властей центр включал людей в списки на высылку.

На это обратила внимание современная исследовательница СЮ. Малышева:

Почему же имена трех казанских профессоров — 41-летнего Стратонова, 48-летних Овчинникова и Трошина, не занимавшихся непосредственно политической деятельностью, не участвовавших ни в каких заговорах и восстаниях (даже не «скомпрометировавших» себя поддержкой Комуча летом 1918 г., в отличие от многих профессоров Казанского университета, которые приветствовали приход Народной Армии), оказались в

---

⁵² Hoover Institution Archives (Stanford), *Mikhail N. Girs*, box 21, folder 21.-1.

⁵³ Лосский, Воспоминания, 218-219.

списках 1922 г. на высылку? Каждый из этих авторитетных ученых, к мнению которых прислушивались в городе, людей умных и смелых, не способных к слепому послушанию вообще и в частности, при контактах с новой властью и ее подчас безграмотными чиновниками, людей равнодушных, не боявшихся открыто высказывать свои суждения, разумеется, могли раздражать местные и центральные власти⁵⁴.

Критик Ю. И. Айхенвальд⁵⁵, высланный в 1922 г., писал литератору В. Ф. Ходасевичу⁵⁶ 5 августа 1926 г. о роли отдельных личностей в составлении списка на депортацию:

О Брюсове... И сам я меньше всего склонен его идеализировать. Он сделал мне немало дурного, и когда сопричислился к сильным мира сего, некрасиво, т.е. экономически мстил мне за отрицательный отзыв о нем в одной из моих давнишних статей. Самая высылка моя — я это знаю наверное, из источника безукоризненного — прошла при его содействии⁵⁷.

Эти сведения позволяют предположить, что кандидатуры для высылки подбирались часто субъективно.

В доверительном письме С. Д. Боткина М.Н. Гирсу от 14 декабря 1922 года сообщается:

Подобные же высылки, оставшиеся для широкой публики почти незамеченными, были произведены и из остальных частей федеративной республики. Так была выслана из Грузии и проследовала в Германию группа общественных и политических деятелей, в числе 62 человек, из них, между прочим 60 принадлежат к социал-демократической партии. Рассказы грузинских изгнанников дают уже всем хорошо известную картину царящего в Совдепии насилия, хаоса и развала, проникших вместе с Красной армией и в Закавказье⁵⁸.

В-шестых, при осуществлении депортации возникло немало «накладок» и «нестыковок». Они порой позволяют проследить механизм работы репрессивного аппарата большевиков. И, что особенно важно для нас, через единичные случаи мы можем извлечь общий урок функционирования антидемократического

---

⁵⁴ Мальшева, Казанские профессора, 54.

⁵⁵ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872-1928) — критик, выслан, умер за границей.

⁵⁶ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939) — поэт, выслан, умер в эмиграции.

⁵⁷ В. Ф. Ходасевич, 1939, Некрополь: Воспоминания, Брюссель, 278.

⁵⁸ Hoover Institution Archives, *Mikhail N. Girs*, box 21, folder 21.-1.

режима. А именно, то, что под маховик репрессий может попасть случайно любой человек. Основатель Института истории искусств в Санкт-Петербурге граф В.П. Зубов⁵⁹ вспоминал:

Это было время, когда ГПУ было сравнительно снисходительно: все профессора, арестованные в этой группе, в последствии были высланы за границу, что для большинства было осуществлением их тайных желаний. Также и [В.Н.] Строев⁶⁰ получил приказ о высылке: он продал свою библиотеку, мебель и приготовился к отъезду. Неожиданно перед ним извинились, его-де спутали с другим лицом, с профессором [В.А.] Строевым-Десницким.⁶¹ Он, значит, не высылался, и ему отказали в обещанном заграничном паспорте. Можно себе представить его горькое разочарование. Кажется, что после долгих стараний ему удалось все же получить разрешение на выезд, по крайней мере, много лет спустя я встретил его в Берлине, где он и скончался⁶².

Данная информация заставила меня обратиться к протоколам допросов высылаемых. Практически все они стандартные, очень похожи друг на друга. Но с протоколами допросов Строевых произошел характерный казус. В списке «антисоветской интеллигенции», кандидатов на высылку, обсужденном на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), за подписью Л. Каменева, Д. Курского, Уншлихта нет упоминаний ни одного из интеллигентов с фамилией «Строев». А в протоколах допросов обнаружена только одна папка с делом одного Строева. И здесь начинаются нестыковки. Уже в заголовке допроса указан «Строев» как псевдоним публициста Василия Алексеевича Десницкого, но допрашивают профессора Василия Николаевича Строева. В протоколе допроса записаны показания последнего:

---

⁵⁹ Зубов Валентин Платонович (1884-1969, Париж) — граф, образование получил в университетах Санкт-Петербурга и Лейпцига. Жил во Флоренции. Защитил диссертацию на степень доктора. В 1910-1915 гг. был приписан к Императорскому Эрмитажу. 2 марта 1912 г. открыл в Санкт-Петербурге Институт по истории искусства, был его бессменным директором. В это же время являлся почетным старшиной Школы императорского женского патриотического общества имени Великой Княгини Екатерины Михайловны. 16 июня 1925 г. эмигрировал, жил в Италии, Германии, Англии, Франции. Выступал с лекциями, участвовал в работе Русско-американской академической группы как член правления и докладчик. Печатался в «Русской мысли».

⁶⁰ Строев Василий Николаевич (1873-1931?) — профессор русской истории Петроградского университета, эмигрант, жил и работал в Берлине.

⁶¹ Строев — псевдоним Василия Алексеевича Десницкого (1878-1958) — известный публицист, один из основателей (вместе с М. Горьким и Н.Н. Сухановым) популярной питерской газеты «Новая жизнь», социал-демократ, поэт, литературовед.

⁶² В.П. Зубов, 1968, Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917-1925), Мюнхен, 135.

С 1919 по 1920 год был в Тамбове и преподавал как профессор истории. Никогда ни в каких партиях не состоял и не состою. Политических убеждений у меня нет и никогда не было, ибо я все время занимался своей наукой, а притом я являюсь тяжело больным физически. Со структурой Советской власти я знаком и вполне ее признаю. О системе пролетарского государства я судить не могу, ибо я находился далеко от науки [*так в тексте* — А.К.]. Мои взгляды на значимость интеллигенции, так называемой «общественности»: Интеллигентами я считаю всякого образованного человека не зависимо от его класса и как [*тех, кто* — А. К.] ищет общественности для распространения своих знаний и благосостояния всего народа. На методы борьбы с Советской властью профессоров, как-то забастовки, я смотрю отрицательно, ибо наука не должна вмешиваться в политические дела страны, а [*должна* — А. К.] отдавать свои знания для поднятия культуры в стране. К сменовеховцам я отношусь критически, ибо их взгляды на то, что интеллигенция относится враждебно к пролетарскому строительству не отвечают действительности, ибо насколько я знаю, большая часть интеллигенции всегда шла навстречу народу. К Савинкову и Партии социалистов-революционеров, то к ним я отношусь отрицательно за их террористическую работу. Мои взгляды на политику Советской власти в области высшей школы вполне совпадают с моими воззрениями, так как я являюсь ярким противником лекционной системы и сторонником семинарской системы. О перспективе русской интеллигенции за границей — я считаю, что оно не может принести ни добра, ни зла и [*ее эмигрантское существование* — А. К.] абсолютно бессмысленно, поскольку она оторвалась от РСФСР⁶³.

Все эти показания не помешали следователям ОГПУ вынести постановление о предъявлении профессору В.Н. Строеву обвинения в контрреволюционной деятельности и о его аресте. Не заметили они и то, что В. Н. Строев жил в 1919 -1920 годах в Тамбове, хотя публицист В. А. Строев-Десницкий в это время находился в Петрограде, где был инициатором создания группой социал-демократов-интернационалистов газеты «Новая жизнь». В.Н. Строев утверждает, что «политическихубеждений у меня нет и никогда не было», в то время как В. А. Строев-Десницкий в своих публикациях критически относился к большевикам. И вот невинный человек, далекий от политики, оказался в числе «злейших врагов Советской власти». Не помогло и письмо в его защиту ректора университета М. Серебрякова, и многочисленные справки о тяжелом состоянии здоровья. И тут вдруг выясняется ошибка, В.Н. Строев не высылается, а высылается В. А. Строев-Десницкий... на основе все тех же показаний однофамильца (дело не стали переписывать, дополнительный

---

⁶³ Российский Государственный Архив Социально-политической Истории (Москва), ф. 2, оп. 2, д. 1245, л. 1-7.

опрос не стали производить, просто на папке со следственным елом профессора В.Н. Строева приписали рядом с псевдо-'йимом публициста его фамилию — «Десницкий»). Трафаретный протокол и шаблонный приговор не требовали лишних усилий со стороны чекистов. Окончательное заключение по делу профессора В. Н. Строева было вынесено только 24 января 1923 г.: «Следствием виновность Строева не установлена...».

Сам профессор В. Н. Строев по поводу случившегося писал 27 октября 1930 г. в Берлине:

Из всех арестованных, но не расстрелянных в России ученых, я испытал, может быть, самую худшую участь: я предназначался к высылке, уже ликвидировал, все распродал, готовясь к отъезду, как вдруг ни с того, ни с сего был оставлен. Причиной этого было вовсе не «помилование», как говорил здесь [*в эмиграции* — А.К.] проф. Стратонов⁶⁴, а новый на меня донос со стороны всемогущего тогда в университете «красного профессора» Цвибака: Он донес о моей близости к польскому посольству (которое выразилось только в том, что в составе последнего находились мои ученики, с которыми у меня были самые тесные, душевные отношения), и что я, как бывший член Комиссии по ликвидации Царства Польского при Временном правительстве, могу быть полезен своими указаниями полякам: тогда это был жгучий вопрос. Вскоре затем меня устранили от лекций в университете и вообще от педагогической деятельности, по словам тогдашнего ректора Державина, согласно требованию университетского коммунистического коллектива, и я, разоренный в конце и больной, остался решительно без всяких средств к существованию... С невероятными усилиями мне удалось уехать из России, но в Берлин, куда я попал совершенно случайно, меня ждали новые испытания, может быть еще худшие⁶⁵.

А 19 февраля 1923 г. Политбюро постановило по предложению Ф. Э. Держинского отменить и высылку известного публициста В. А. Строева-Десницкого⁶⁶.

---

⁶⁴ Стратонов Иринарх Аркадьевич — родился в 1881 г., сын чиновника, выпускник истфилфака Казанского университета 1906 г., затем профессор-историк этого университета, занимавшийся изучением различных аспектов российской истории XVIII века, историей русского летописания. В начале 1919 г. был избран деканом, а в августе 1920 г. — заместителем декана историко-филологического факультета. В начале 1919 г. Главное Управление Архивным делом назначило его на должность уполномоченного в деле охраны и разборки архивов Казанской губернии. Тогда же он возглавлял борьбу за сохранение церковных сокровищ Кафедрального собора в Казани. Сокровища удалось отстоять и передать в музей благодаря поддержке наркома А.В. Луначарского и художника И.Э. Грабаря. Подробнее см.: *С.Ю. Малышева, Историк с «философского» парохода // Татарстан, 1992:7-8.*

⁶⁵ Hoover Institution Archives, *B. I. Nicolaevsky*, box 211, folder 211.-7.

⁶⁶ *СОСКУН*, Переход к нэпу, 79.

Некоторые из высылаемых подавали прошения об отмене решения о высылке, за кого-то вступились известные советские деятели. Но для большинства осужденных приговор был окончательным. Тогда публицист Д.В. Философов⁶⁷ «с пассивным отвращением согласился» на отъезд, хотя «был инертен и безучастен»⁶⁸.

И не всем удалось так благополучно выбраться за границу, как той группе профессоров, которой в 1922 г. было предложено на выбор, подвергнуться суду по статье, карающей смертной казнью, или быть изгнанным из пределов Советского Союза⁶⁹,

вспоминал бывший ректор Московского университета М.М. Новиков⁷⁰. А философ Ф.А. Степун⁷¹ писал:

Узнав, что все оказалось правдой, что я, действительно, высылаюсь за границу, что мы, может быть, уже через две недели окажемся в Берлине, она [жена — А. К.] странным образом, не обрадовалась, а лишь успокоилась: что высылают грустно, но что не ссылают, конечно, счастье..⁷²

И вот происходит высылка. 23 сентября поезд с первой группой изгнанников отбыл в Латвию. 29 сентября группа из 33 высылаемых из Москвы и Казани отправилась в Петроград, чтобы на следующий день отплыть на двух германских пароходах — «Обер-бургомистр Хакен» и «Пруссия» — в Германию, Штеттин. В сентябре из Одессы была выслана группа профессоров в Константинополь. В октябре из Одессы была выслана группа из 12 профессоров в Варну. 18 ноября в Штеттин прибыла группа из 17 высланных из Петрограда (с семьями — 44 человека).

На пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и

---

⁶⁷ Философов Дмитрий Владимирович (1872-1940) — публицист. В эмиграции — один из руководителей Народного Союза Защиты Родины и Свободы, руководитель его варшавского отдела и редактор газеты «За свободу» в 1921-1932 гг.

⁶⁸ З.Н. Гиппиус, 1951, Дмитрий Мережковский, Париж, 241.

⁶⁹ М.М. Новиков, 1935, Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию, Прага, 38.

⁷⁰ Новиков Михаил Михайлович (1876-1965, Нью-Йорк) — биолог, общественный и государственный деятель, ректор Московского университета в 1919-1920гг., выслан в 1922г., организатор Русского научного института в эмиграции. Жил в Чехословакии и США.

⁷¹ Степун Федор Августович (1884-1965, Мюнхен) — религиозный философ, историософ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель и публицист. Выслан в 1922 г., жил в Германии.

⁷² Ф.А. Степун, 1956, Бывшее и несбывшееся, Т. 2, Нью-Йорк, 420.

уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом с. большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасаясь⁷³,

вспоминал Н.О. Лосский. По сведениям литератора Н.А. Оцу-па⁷⁴,

с первой партией высланных литераторов в Берлине ждали и Замятина⁷⁵. Все знали, что и он был арестован. Знали, что ему, как другим, хочется воздуха Европы. Не знали только, что этот европеец сильнее, чем многие, привязан к России. Когда, благодаря хлопотам друзей и учеников, ему предложили на выбор: уехать или остаться, — Замятин предпочел остаться.⁷⁶

Так что следует отказаться от модного публицистического штампа о «зверской высылке», ибо для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал не только символом приобретения свободы, но и определенной альтернативой выбора дальнейшей судьбы.

В-седьмых, пассажиры «философского парохода» оказались, как правило, чужими в Российском Зарубежье. Документы, обнаруженные в архиве Гуверского института войны, революции и мира Стенфордского университета США показывают, что руководители Российского Зарубежья настороженно отнеслись к интеллигентам, высланным из Советской России. Стремление большевиков избавить Советскую Россию от того, что оценивалось ими как негативное, в какой-то степени можно объяснить довольно примитивным, но в целом естественным желанием покончить сразу и окончательно со всяким социальным злом (*свои - чужие*). Эмигранты также оценивали высланных с позиций времен Гражданской войны, когда врага уничтожали физически. Высылка не вкладывалась в прежние представления. Поэтому интеллигенты, высланные из Советской России, воспринимались часто в качестве «агентов большевиков», то есть через ту же оппозицию *свои - чужие*.

---

⁷³ Лосский, Воспоминания, 220.

⁷⁴ Оцуп Николай Авдиевич (1894-1958, Париж) — поэт, с 1922г. в эмиграции.

⁷⁵ Замятин Евгений Иванович (1884-1937, Париж) — прозаик, теоретик литературы. С1931 г. в эмиграции.

⁷⁶ Н. Оцуп, 1961, Современники, Париж, loi.

В определенной мере настороженность к изгнанникам проявила и европейская общественность. Так в доверительном письме С. Д. Боткина М.Н. Гирсу от 14 декабря 1922 года сообщается:

Здесь социалистическая газета «Vorwärts» с большим сочувствием отзывается о прибывших политических врагах советского строя и во всех подробностях приводит на своих страницах их мрачные рассказы о советском режиме. Буржуазные же газеты об этом хранят полное молчание⁷⁷.

В-восьмых, изменения, происходившие в России в целом и в той или иной мере вызванные эмиграцией, нельзя определить иначе, как общенациональные — духовные, нравственные, культурные, материальные, наконец, — потери и утраты. Практически каждый экспатриант был способен в меру собственных сил способствовать развитию и процветанию своей Родины. За счет высланных за пределы Родины в 1922 г., как считает историк Российского Зарубежья П. Е. Ковалевский, зарубежная «категория русских мыслителей сильно пополнилась»⁷⁸. А литератор того времени Ю.К. Терапиано⁷⁹ полагал, что «высылка из Советской России большой группы писателей, философов, ученых и политических деятелей в 1922 г. влила в эмиграцию новые квалифицированные силы и способствовала повышению ее авторитета на Западе»⁸⁰. Данная сторона депортации также ждет своего исследователя.

Экспатриация — это неоспоримый симптом социальной болезни, от которой многим странам в XX веке удалось излечиться. Но исторические уроки истории интеллигенции в России и эмиграции еще требуют глубокого осмысления. И среди этих уроков административная высылка 1922 года, как многоаспектное явление с пролонгированными последствиями, представляется чрезвычайно важным объектом научных изысканий. Особенно это важно заметить сегодня, когда в Государственной Думе России обсуждается президентский проект Закона об экстремизме, где под уголовно наказуемое преступление — «экстремизм» — подпадает любое сопротивление действиям представителей власти.

⁷⁷ Hoover Institution Archives, *Mikhail N. Girs*, box 21, folder 21.-1.

⁷⁸ П.Е.Ковалевский, 1971, Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970), Т. 1, Париж, 14.

⁷⁹ Терапиано Юрий Константинович (1892-1980, Париж) — поэт, критик, историк религии. Эмигрировал во время эвакуации Добровольческой армии, жил в Константинополе и Париже.

⁸⁰ Ю.К. Терапиано, 1960, Вступительная статья // Муза диаспоры, Frankfurt.-а.-М., 7.